

ГЕНРИХ САПГИР:

Для нас оборванец был эстетичным

Культура. — 1998. — 12-18 марта. — с. 1

В Третьяковской галерее (Крымский вал, 10) открылась выставка "Лианозовская школа: истоки и судьбы". Это событие мы попросили прокомментировать поэта Генриха Сапгира.

— Генрих Вениаминович, если бы сорок лет назад, когда зарождалась Лианозовская группа, вам сказали, что в Третьяковской галерее состоится выставка работ ее участников, какова была бы ваша реакция?

— Я бы решил, что человек, который сообщает мне об этом, либо сумасшедший, либо агент КГБ. Собственно, название это — Лианозовская группа — надумало начальство: дескать, собираются в лианозовском бараке какие-то сомнительные художники, малюющие непонятные народу картинки, бывают там иностранцы. Надо приглядывать...

— И приглядывали?

— Само собой. Более того, нас сделали оппозиционерами, хотя и тогда, и сейчас я, да и не только я, считаю, что художник и политика — "две вещи несовместные". Нас связало время. Что было, а точнее — чего не было в нашей жизни сорок лет назад? Не было религии, не было гуманистической философии, и ис-

кусство до некоторой степени брало на себя их функции, естественно, делаясь как бы оппозиционным. Но вот именно как бы, потому что сущностью творчества Лианозовского содружества было то, что мы все стремились живо писать. Не только художники, но и поэты, писатели. Живо писали Евгений Кропивницкий, Игорь Холин, Всеволод Некрасов. Мы писали предметы, которые узнавались. Для нас эстетичным был оборванец, для официального искусства — разумеется, нет, поскольку оно должно было быть приглаженным, благообразным, соцреалистичным. Правильнее всего, думаю, было бы назвать наше искусство лирическим экспрессионизмом, потому что, в сущности, оно выражало настроение, состояние души людей, которых связало время.

— Ведь все это были достаточно разные люди? Откуда, кстати, это название — лианозовская?

— По субботам и воскресеньям

на квартире Оскара Рабина начали собираться прежде всего ученики Евгения Кропивницкого — Рабин, Холин, я, дети Евгения Леонидовича — Валя и Лев. Приходили друзья-художники. Все мы — Немухин, Мастеркова, Вечтомов — были достаточно молодыми людьми, нас интересовали новые течения в искусстве. Только-только в Москве прошел фестиваль молодежи и студентов, в рамках которого демонстрировались картины западных, американских художников. И вот в этой квартире, которая находилась в Лианозове в одноэтажном доме, построенном наподобие барака немецкими пленными, мы рассуждали об абстракционизме, импрессионизме. Да, мы были достаточно разные, каждый впоследствии пошел своим путем. Но в то время в лианозовскую квартиру Рабина приходил, скажем, Эдуард Лимонов, молодой харьковский писатель, и мне было достаточно того, что его любимым поэтом, как и моим, был Катулл. А сегодня Лимонов погружен в политику, и Сталина в его окружении поминают с пиететом. А я помню, что когда Сталин сорок лет назад заболел, мы с Рабиным купили бутылку водки, и Оскар сказал: "За погибель его!" И мы дружно выпили.

— Ждете ли вы массового интереса к выставке, которая проходит в залах на Крымском валу?

— Сегодня, чтобы вызвать массовый интерес, художнику нужно раздеться догола, бегать нагишом и укусить кого-нибудь за ухо. Но какое это имеет отношение к искусству? Конечно, в каждом новом поколении искусство усложняется. Но настоящее искусство всегда элитарно, всегда для знатоков. Художник всегда апеллирует только к самому себе и своим друзьям. Но никогда к массам или начальству.

Беседу вела
Елена ГРАНДОВА

Н. Вечтомов. "Город Черного солнца". 1966 г.